

31 июля (13 августа)

Священномученик
Владимир Холодковский

Священномученик Владимир родился в 1895 году в Каменском заводе Камышловского уезда Пермской губернии в семье коллежского регистратора Павла Холодковского. Избрав путь служения Церкви, Владимир в 1912 году окончил Екатеринбургскую школу псаломщиков и был направлен псаломщиком в Вознесенский храм в селе Завьяловском Камышловского уезда¹. В 1918 году он был рукоположен во диакона к Ильинскому храму в селе Тимохинском того же уезда². Здесь его застала Гражданская война со всей ее жестокостью не только по отношению к воюющим сторонам, но и к гражданскому населению. Настоятель храма и диакон Владимир ушли из села вместе с войсками армии Колчака; на следствии в 1929 году отец Владимир так объяснил причину своего ухода: «белые запугивали меня, что если я останусь... то красные расстреляют как... дьякона». Отец Владимир дошел с войсками до Ново-Николаевска³, где стал служить в Покровской церкви.

17 марта 1920 года он вернулся в село Тимохинское и в декабре того же года был рукоположен к Ильинскому храму во священника. Вскоре он был переведен в Николаевский храм в селе Тупицынском, в 1925 году – направлен служить в храм Боголюбской иконы Божией Матери в селе Юрмытском Пышминского района Уральской области. В 1927 году власти передали этот храм обновленцам, и отец Владимир вернулся в Николаевский храм в селе Тупицынском, где его застали гонения 1929 года.

В приходе в селе Тупицынском, как показали во время следствия свидетели, он активно проповедовал, призывал прихожан не оставлять храм и молитву, говорил, что современная разруха есть следствие отступления людей от Бога, что православные ныне трудятся, как раньше рабы на помещиков, день и ночь, а труд их идет лодырям, и это не по закону Божию; «надо жить дружно, один другого защищать и вражду не разводить, тогда хорошо будет жить всем, надо Богу молиться». Крестьянам отец Владимир говорил, что за веру готов пойти на страдания, но никогда не откажется от своих религиозных убеждений. Одному из крестьян он как-то с укоризной заметил, что тот своих детей распустил, один сын уже в «комсомол ушел, безбожником стал, хлеб у крестьян отбирать учится, потом и чина добьется, я тебе советую на старости лет греха не творить». За несколько дней до ареста священник, по словам свидетеля, сказал, что власть принуждает его переходить в обновленчество, «но пусть на куски растерзают – не пойду!» – заключил он.

Отцу Владимиру было тридцать три года, когда 1 ноября 1929 года он был арестован и заключен в камеру при окружном отделе ОГПУ в городе Шадринске. Отвечая на вопросы следователя, священник сказал, что «нигде и никогда какой бы то ни было агитации, которая была бы направлена против советской власти и ее мероприятий, не вел. Виновным себя ни в чем не признаю».

14 ноября отец Владимир был снова допрошен. «Виновным по сему делу не признаю, – повторил он, – так как я всецело был далек от светской жизни и совершенно никакой агитацией не занимался. <...> Я как священник проповедовал слово Божие. <...> Я ни в каких партиях не состоял, политикой

совершенно не интересовался. Посему я вины за собой не чувствую».

26 ноября было составлено обвинительное заключение, и в тот же день отец Владимир из тюрьмы ОГПУ был переведен в городскую тюрьму. 26 декабря 1929 года Коллегия ОГПУ приговорила священника к пяти годам заключения в концлагерь.

Вернувшись из заключения, он вновь стал служить в Николаевском храме в селе Тупицынском. В 1936 году власти вознамерились закрыть храм. Отец Владимир, узнав об этом, попросил верующих собрать подписи под прошением, чтобы храм не закрывали. На некоторое время власти отступились, но в середине 1937 года начались массовые аресты священнослужителей и мирян, и 8 июля отец Владимир был арестован и заключен в тюрьму в городе Камышлове. По делу было арестовано почти все духовенство района и часть активных мирян, всего около тридцати человек. Следствие обвинило благочинных в создании контрреволюционной монархической организации, ставящей своей целью восстановление монархического строя. Все обвиняемые, за исключением отца Владимира, под нажимом следствия признали себя виновными в возводимых на них обвинениях.

– Вы арестованы как участник контрреволюционной монархической группы, возглавляемой [благочинным] Якутовичем. Следствие располагает неопровержимыми данными о вашей контрреволюционной деятельности. Намерены ли вы дать правдивые показания? – спросил отца Владимира следователь.

– Ни в какой монархической организации, возглавляемой Якутовичем, я не состоял и не состою. Этим я поражен и считаю ложью показания Якутовича.

– Вы даете ложные показания, следствие требует дачи правдивых показаний, – настаивал следователь.

– Я человек глубоко религиозный, – ответил священник. – В силу религиозных убеждений не согласен с безбожием и остаюсь непримирим с ним, ведя активную борьбу с безбожием совершением богослужения и исполняя таинства и обряды для верующих. Глубоко убежден, что существует Господь как Творец всего видимого и невидимого.

Отцу Владимиру было поставлено в вину также и то, что он рассказал о явлении Пресвятой Богородицы и святителя Николая некоему крестьянину во время Великого поста 1928 года. Иеромонах Никита (Сапожников), арестованный в 1927 году и сосланный в Пермскую область, в свое время так записал это явление: «Выехал из села своего крестьянин земли Пермской в соседнее село, верст за тридцать, по своим хозяйственным надобностям. Мужик старый, верующий, зажиточный. Все, что было у него, отобрали, в тюрьме сколько-то сидел, да Господь вновь всем благословил его. Едет путем-дорогой, видит: в стороне на снегу новенький мешок-пятипудовик пустой лежит. Остановил старик лошадь да думает: „Кто бы это сбросить мог? Да лежит-то в стороне, на поле. Кругом никого...“ Вышел из саней, пошел к мешку, нагнулся поднять его, да не может. И так дернет, и так потянет, видит, что мешок в землю врос: сверху – пустой, а внизу – с зерном. Время идет, пора бы и ехать, а он все вокруг мешка бьется. Заморился даже, а поделаться так-таки ничего не мог. Как ни досадно, а пришлось отступить. „Не в добрый час, видно, выехал“, – подумал старик и, перекрестившись, поехал дальше... Проехал верст с пяток, издали видит – бочонок новенький на дороге лежит. „Что за притча? С нами крестная сила!“ Прочел он молитву, лошадь останавливает да идет к бочонку. А он тоже как

прирос к земле. Солнце за обед повернуло, к закату клонится, а старик все с бочонком возится. Да как на грех, ни попутчика, ни встречного человека нет, чтобы подсобил. От бочонка тоже отступиться пришлось. Даже рукой махнул да изругался старик. Сел в сани да лошадь больно стегнул.

Едет хмурый и на сердце тоска. Сколько-то еще проехал, видит: далеко впереди попутно ему человек идет, да быстро так, насилу нагонять его стала добрая лошадка. Видит – женщина. Стал старик подъезжать, а она услышала да в снег свернула, да быстро, как бы испугавшись, как можно дальше старается отойти. Старик придержал лошадь да смотрит на нее: женщина старая да хорошая такая, только вся в крови, израненная, да слезы так и бегут из глаз. Одежда прежде была на ней хорошая, да вся изодрана, запачкана. Остановился старик и спрашивает: „Что это, матушка, с тобой случилось? Злые люди, что ли, обидели? Садись, подвезу“. А та еще дальше отходит да закрывается, будто он ее ударить хочет. Постоял, постоял старик да тронул шажком лошадь. Тоска на сердце еще глубже запала. Едет и оглядывается, а та все как отошла, так в снегу и стоит.

Дорога пошла под изволок и скрыла ее за бугром, а впереди опять человек идет, по пути ему, идет крепкой поступью, не торопясь, в руках палка высокая. Идет без шапки, голова, как лунь, белая. Услышал, стало быть, что сзади кто-то едет, остановился. Старик, поравнявшись, принял предложение крестьянина и сел в телегу к нему, а тот говорит: „Бог тебя вот послал. Вижу, что и ты человек нездешний и идешь не так. Скажи ты мне, Христа ради, развяжи ты душу мою: что все это значит? Чудится мне, что все ты знаешь...“ А спутник его сидит рядом, молчит и глубокую, видно, думу думает. Потом и говорит: „Затем-то я и сел к тебе, что сказать надобно. Мешок, что ты поднять не мог, вот что значит: много вашего крестьянского хлеба в землю побросано, да не вам взять его, и до великого голода жить вам, мужикам, впроголодь. Бочонок же, что ты не осилил, вот что значит: много денег вашим мужицким потом и кровью наработано, да не вам взять их. И будете вы до великой войны в постоянной нужде жить“. Не выдержал, перебил его старик. Сердце в нем, как голубь, бьется, и дума трепещет. „Скажи, – просит, – а кто же эта женщина, что обогнал-то я?“ Прохожий помолчал да тихо так говорит: „Царица Небесная, Матерь Божия. Вот что вы с Ней сделали. Оплевали, насмеялись, изранили всю... Она, Которая прибежала на помощь каждому великому грешнику, за каждого со слезами молила Сына Своего, Которая Сама в скорбях ваших являлась к вам, Она бежит от вас, так как нет Ей среди вас на кого положиться“. – „Да что ты, родимый, – весь, как в лихорадке, снова перебил старик, – мы креста не сымали и церкви не оставили, и попа всегда принимаем“. – „Так, – остановил его спутник, – на глазах ваших ругались над Ней, при вас плевали в Нее, ризы Ее рвали, а вы молчали да сторонились, как не видите. При вас Ее гонят, и имя Ее поносят, а вы, оберегаячи себя, постоянно предаете Ее. Как вы бы не допустили, никто бы не смел не то что пальцем тронуть Ее, словом хульным обмолвиться“. – „Верно твое слово, – тихо сказал старик, и слезы полились из глаз его. – А ты кто будешь? – с робостью уже спросил он. – Вот и ты в крови весь, да одежда твоя порвана“. – „А я Николай Чудотворец буду“, – отвечал тот. И нет уже его в санях, а стоит он на дороге. Старик к нему в ноги: „Великий угодник Божий, научи, что же нам делать?“ – „Молитесь, – говорит, – Бог простит, прикажет – и мы опять с вами будем“. Да и пошел от него. А тут на горке и Владычица показалась. Старик в слезах упал на дорогу, и слова не идут с языка, а мыслями твердит он: „Владычица, Матушка, прости Христа ради“. Тем

временем святитель уже был около Нее и припал к ногам Ее. Подняла Она его, и оба легко так верх снега стали уходить все дальше и дальше, и чем дальше шли, тем светлее становились, а как ступили на зарю, так, как звезды, загорелись и пошли на небо. Заря потухать стала, а старик все стоял на коленях среди дороги, глядя в ту сторону, и слезы текли и текли из глаз его».

По делу отца Владимира были допрошены свидетели, среди них председатель сельсовета, который показал, что в 1936 году перед уборочной он требовал от священника, чтобы тот прекратил антисоветскую агитацию, на что священник ответил, что он делает то, что полагается ему делать как пастырю, оберегающему словесных овец.

Председатель другого сельсовета, с которым лично отец Владимир был не знаком, показал, что однажды встретил священника на дороге и завел с ним намеренно провокационный разговор, и во время него тот сказал, что Бог за наши грехи послал засуху, чтобы люди вспомнили о Нем.

Одна из посещавших Николаевский храм женщин показала, что священник, беседуя с ней, говорил, что надо ходить в церковь, «церковь забывать не надо, не надо забывать о Боге, Божие слово не умрет. Вот ведь меня сколько ни мучили, сколько ни терзали, но я с помощью Божией вернулся невредим».

Заведующий начальной школой показал, что священник «умышленно срывает проведение массовых выступлений среди школьников. <...> Как пример можно привести: школой в противовес Пасхе было подготовлено... выступление школьников, где главную роль... играл сын Холодковского. Холодковский сознательно задерживал своего сына, не пускал на выступление. <...>

Среди учеников можно было всегда слышать, что Холодковские могут выступать и не выступают, и мы не будем выступать».

3 августа следователь вызвал отца Владимира на допрос и зачитал ему показания свидетелей. Но все их отец Владимир отверг как ложные. 7 августа следствие было закончено. Следователь в обвинительном заключении перечислил все, в чем обвиняли священника лжесвидетели, – участие в контрреволюционной организации, высказывание клеветнических взглядов по адресу партии и советской власти, запрещение вступать в колхозы, написав, однако, что виновным себя священник ни в чем не признал.

11 августа 1937 года тройка УНКВД по Челябинской области приговорила отца Владимира к расстрелу. Священник Владимир Холодковский был расстрелян через день, 13 августа, и погребен в общей безвестной могиле.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.2»

Тверь. 2016. С. 362-368

Примечания

¹ Ныне село Завьяловское Талицкого района.

² Ныне село Тимохинское Пышминского района.

³ Ныне город Новосибирск.